А.А. Гируцкий

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СЛОВА И ПОСТУЛАТЫ А.Ф. ЛОСЕВА ОБ ЭЙДЕТИЧЕСКОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ ИМЕНИ

The article deals with five forms of graphic materiality of a name – scheme, topos, image, symbol, myth. They are interpreted linguistically and topologically outcoming into semiotics of culture.

Ключевые слова: схема, топос, эйдос, символ, миф.

Математик – это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями; лучший математик тот, кто устанавливает аналогии доказательств; более сильный математик тот, кто замечает аналогии теорий; но можно представить себе и такого, кто между аналогиями видит аналогии.
С. Банах

Современное представление об общей культуре человека вместе с гуманитарными ценностями включает в себя владение им определенным естественнонаучным и математическим знанием. Как отмечают математики, их наука не отличается от других форм культурной деятельности. Образованные люди должны иметь представление о некоторых математических структурах. уметь строить непротиворечивые классификации, отделять существенные признаки от несущественных, как это делается в аксиоматических теориях [2, с. 5]. Точность математики как науки послужила в свое время основной причиной математизации гуманитарного знания.

Процесс математизации лингвистики, по мнению Р.Г. Пиотровского, прошел два этапа. Первый этап характеризовался преобладанием математического подхода к отбору и компоновке языкового материала. Он оказался целесообразным ввиду того, что по сравнению с языкознанием математика имеет более строгую и последовательную организацию. Однако при таком подходе в сферу математической лингвистики включаются лишь те явления языка, которые могут быть подвергнуты экспликации и моделированию с помощью жесткого аппарата современной «количественной» и «качественной» математики. Поэтому вслед за этим этапом, на котором математика исполняла роль «королевы наук», прогнозирует Р.Г. Пиотровский, должен следовать этап сближения, на котором математика будет выступать на службе остальных наук, создавая для языкознания и других гуманитарных наук особый логический аппарат. По его мнению, необходимость в создании такого аппарата объясняется тем, что традиционный математический аппарат был первоначально предназначен для описания «жестких» и сравнительно простых систем неживой природы. В силу этого он оказывается недостаточно адекватным при моделировании сложных гуманитарных, в том числе языковых систем, имеющих полиморфную структуру [4, с. 359].

В современной науке актуальным остается требование полной ясности в изложении теории и неизбежная неточность и недостаточность понятий для выражения ее полного содержания. Язык математики не решает всех проблем, поскольку, с одной стороны, требует окончательной смысловой интерпретации полученных результатов с помощью естественного языка, а с другой — остается неясным, насколько математический язык применим ко всем явлениям.

Лауреат Нобелевской премии, немецкий физик В. Гейзенберг по этому поводу замечает: “Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках “понять”, может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей... В атомной физике мы используем весьма развитой математический язык, удовлетворяющий всем требованиям ясности и точности... Было бы, однако, слишком преждевременным требовать, чтобы во избежание трудностей мы ограничились математическим языком. Это не выход, так как мы не знаем, насколько математический язык применим к явлениям. Наука тоже вынуждена в конце концов положиться на естественный язык, ибо это единственный язык, способный дать нам уверенность, что мы действительно постигаем явления” [1, с. 121].

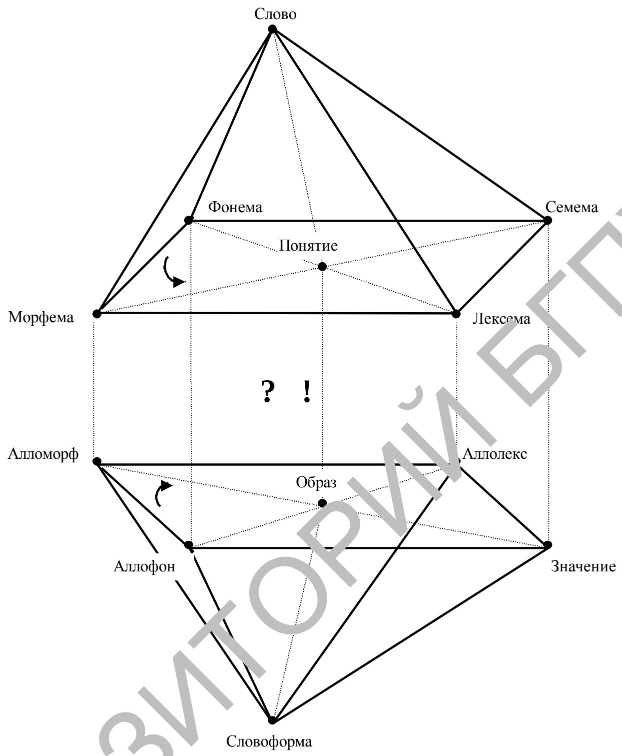
Здесь возникает языковой парадокс: с одной стороны, язык математики позволяет наиболее точно, однозначно и непротиворечиво описывать разные явления, а с другой, — чтобы понять окончательный смысл полученных результатов, необходимо прибегать к природному языку с его менее строгим понятийно-формальным аппаратом. В. Гейзенберг, говоря об этом парадоксе, отмечает, что в атомной физике пользуются разными способами описания, исключающими, но также и дополняющими друг друга, адекватное же описание процесса достигается в конечном счете только игрой различных образов. Физик, когда говорит о событиях в мире атомов, «нередко довольствуется неточным метафорическим языком и, подобно поэту, стремится с помощью образов и сравнений подтолкнуть ум слушателя в желательном направлении, а не заставить его с помощью однозначной формулировки точно следовать определенному направлению мысли» [1, с. 218].

И в этом проявляется своя закономерность: образность физической науки приближает ее к разгадке глубинных тайн бытия, где физика и лирика смыкаются в одно целое. В. Гейзенберг писал: «Вообще говоря, нет принципиальных оснований отрицать возможность полного согласования разговорного слова с искусственным языком математики, и можно задаться вопросом, почему в квантовой механике этого не произошло, тогда как в теории относительности разговорный язык вполне естественно слился с математическим» [1, с. 218].

А.Ф. Лосев в своих работах об имени не использует специальный математический язык, но его логико-понятийный аппарат настолько точен, что его теория имени легко укладывается в различные математические системы и структуры. А.Ф. Лосев не только умеет находить аналогии между утверждениями, но и между аналогиями видит аналогии, и в этом смысле является математиком в высшем стиле. Покажем это на примере нашего геометрического образа слова, который наиболее адекватное представление может находить в таком разделе современной математики, как топология.

Структура слова (слово-словоформа)

Схема



В структуре имени, не строя его геометрической модели, А.Ф. Лосев выделяет пять форм «эйдетической предметности имени» – схему, топос, эйдос в узком смысле, символ и миф. Сам эйдос в широком смысле является у него некой завершенной цельностью сущего. Эйдос имени вообще как «завершенной цельности сущего» легко соотносится с представленным на схеме геометрическим образом.

Схема, или схематический слой эйдоса, – это «составляемость и составленность целого из частей, когда целое охватывает части при помощи идеи, выходящей за пределы значимости каждой части» [3, с. 696], что и показано на схеме. Для Лосева схема выступает идеально-математической характеристикой эйдоса, или образа в широком смысле. В схеме важны количественные характеристики эйдоса, расположение и порядок следования элементов, их отношения друг с другом, которые могут задаваться аксиоматически. Приведем в качестве примера несколько таких аксиом:

1) Пара “слово-словоформа” имеет геометрический образ, которому она эквивалентна.

2 Слово состоит из следующих единиц: фонема, морфема, лексема, семема.

2`) Словоформа состоит из следующих единиц: аллофон, алломорф, аллолекс, значение.

3) Элементы слова и словоформы находятся в двух зависимостях – горизонтальных (синтагматических) и вертикальных (парадигматических) и др.

В этом эйдосе не фиксируется никакой самостоятельной предметности (кроме эйдоса имени вообще), а лишь созерцается то, как составляется из отдельных элементов цельный эйдос.

В следующем слое эйдоса – топосе – Лосев выделяет момент качественной определенности составленного из отдельных элементов эйдоса. Здесь даются качественные характеристики топосу, а также составляющим эйдос элементам. С точки зрения математической лингвистики, в рассматриваемом геометрическом образе можно выделить три типа симметрий – поворотную, зеркальную и моноклинную, а также три пары топологических свойств: континуальность и дискретность, симметричность и асимметричность, комплементарность и зеркальность. Элементы верхней пирамиды можно охарактеризовать как множества, нижней – как подмножества этих множеств.

Эйдос в узком смысле представляет собой момент идеально-вещной, или категориальной, определенности эйдоса, связанной с конкретным именем этой вещи. Так, предметный эйдос слова *топор* (пример Лосева) – это «явленность этой вещи как определенного орудия для рубки» (понятийное содержание), а также совокупность наглядно-образных данных топора. В конкретном имени схемный и топологический слои эйдоса, не теряя своих внутренних характеристик, являют себя в звуковой или графической определенности.

Но любая вещь, помимо своей утилитарной функции, может воспринять на себя более широкое значение, особый смысл, выступить носителем глубоких идей и даже некоей невыявляемой тайны. Например, Зевса греки представляли в виде секиры. По Лосеву, особенным образом насыщенный предметный эйдос имени – это символ. Так, в эйдосе имени вообще легко просматривается связь с символом Египта – пирамидой, а также с «мировым яйцом» – символом рождения Вселенной. Поскольку «символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности» [3, с. 699], то применение к его описанию математического аппарата чрезвычайно затруднительно. Здесь наиболее эффективными оказываются методы и приемы семиотики культуры.

И, наконец, символ «интеллигентно модифицированный», то есть превращенный в живую речь, представляет собой, по Лосеву, миф. В мифе символ становится развернутой сущностью, он действует, проявляет себя вовне, выражая все возможные творческие акты мысли, воли и чувства. В мифе имя *пирамида* – это не просто статически созерцаемая предметность имени, а подлинная каменная библия, воплощение науки древних египтян, эталон математических и геометрических измерений, система хронологических пророчеств.

Таким образом, рассмотрение некоторых постулатов Лосева о предметной сущности имени в свете геометрического образа слова актуализирует прогноз Р.Г. Пиотровского о том, что преодолеть парадокс несовместимости традиционного математического аппарата и сложных гуманитарных систем можно с помощью такого подхода, который сочетал бы математические и эвристические методы и приемы для решения различных, в том числе и лингвистических задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гейзенбер, В. Шаги за горизонт / В. Гейзенберг. М.: 1987. – 368 с.
2. Еровенко, В.А. Основы высшей математики для филологов: методические замечания и примеры: курс лекций / В.А. Еровенко. – Минск: БГУ, 2006. – 175 с.
3. Лосев, А.Ф. Бытие – имя – космос / А.Ф. Лосев. М.: Мысль, 1993. – 958 с.
4. Пиотровский, Р.Г. Математическая лингвистика / Р.Г. Пиотровский, К.Б. Бектаев, А.А. Пиотровская. М.: Высшая школа, 1977. – 383 с.